

Сун Ицзэ, держа в руках пакет с покупками, подошёл к месту, указанному в геопозиции. Ещё издали он заметил Нин Си: тот сидел на скамейке с бутылкой в руке и, запрокинув голову, разглядывал ночное небо.

Небо окрасилось в полупрозрачный густо-фиолетовый цвет, по которомуплыли тускло подсвеченные облака. Это место походило на небольшую площадку перед входом в парк. Возле Нин Си на асфальте уже выстроилась батарея из пяти пустых бутылок.

Вокруг густела зелень. К ночи заметно похолодало, однако из-за алкоголя Нин Си бросало в жар, поэтому свою куртку он сбросил и повесил на спинку скамейки.

— Ицзэ-э... А вот и ты, — Нин Си пьяно качнул бутылкой и глуповато улыбнулся.

Сун Ицзэ подошёл ближе. Парнишка явно перебрал: хмель превращал его обычную пронительность в трогательное дурачество.

— Зачем опять напился?

Сун Ицзэ снял куртку со спинки и накинул её на плечи Нин Си.

— Не надо, мне жарко, — Нин Си сбросил её обратно, ухватив Сун Ицзэ за рукав. — Сам потрогай, какой я горячий.

Сун Ицзэ тут же приложил ладонь к его лбу — как бы тот не простудился, мешая алкоголь с ночной прохладой.

— Пить вредно, а тебе — тем более. Голова трещит? Тошнит?

Место было глухим, затерянным в глубине парка, где редко проходили люди. Густая крона деревьев задерживала ветры, но здесь всё равно гулял прохладный сквозняк. Нин Си глушил крепкий алкоголь один за другим, и хмель окончательно ударил в голову.

Он воззрился на Сун Ицзэ, но тот вдруг показался ему размытым силуэтом. Сердце у Нин Си защемило, и он невпопад выдал:

— Сун Ицзэ... ты всё ещё на меня злишься, да?

Сун Ицзэ понятия не имел, с чего тот решил, будто он злится. Встретившись взглядом с раскрасневшимся, пьяным Нин Си, чьи глаза совсем затуманились, он лишь беспомощно вздохнул.

— Я же обещал говорить только правду. В тот раз по телефону я сгоряча ничего толком не объяснил. Послушай меня внимательно... Я правда тебя не обманывал. Я попал сюда из другого мира, переродился в книге.

Нин Си даже не стал ждать ответа и продолжил:

— До того как очнуться здесь, я думал, что никогда не смогу переступить через прошлое. Я на самом деле ужасный трус. Ужасно боюсь смерти, не хочу оставаться один, а ведь всегда был один... А потом я очутился тут и в первый же день встретил тебя. В моём полном опасностей мире ты стал моей соломинкой. Правда, мне безумно повезло с тобой встретиться.

Нин Си говорил, опустив глаза. Длинные ресницы казались влажными от ночной прохлады, а румянец на щеках придавал ему донельзя трогательный, покорный вид.

— Чёртово чувство вины... Я его ненавижу. Оно постоянно точит изнутри, а стоит случайно задеть рану — вспыхивает с новой силой. Но, кажется, я очень изменился. Больше не извожу себя из-за гибели мамы, не валю всё на себя. И теперь я просто хочу добиться справедливости для Шэн Цзышэна, замолвить слово за того Нин Си, чтобы искупить эту вину... Пусть даже совсем избавиться от неё невозможно.

Он с трудом перевёл дыхание, словно сбрасывая с души тяжёлый камень.

— Поэтому я не хочу, чтобы между нами стояла эта вина. Я сам ничего толком не объяснил, сам виноват, и ты имеешь полное право злиться. Прости меня. Ты мне очень нравишься... Я хочу быть с тобой ближе — не только сейчас, но и потом, долго-долго, всю жизнь.

Слова звучали искренне и чисто, под стать прозрачному ночному воздуху.

Сделав ещё глоток, Нин Си ткнул горлышком бутылки прямо в сторону носа Сун Ицзэ:

— Но я правда переродился в книге, тут ты мне верить обязан! Я раньше таким крутым был: золотая медаль по таэквондо, семьсот два балла за Гаокао! За мной Цинхуа с Бэйда в очереди стояли! Настоящий гений без страха и упрёка, между прочим! Кабы не ты, стал бы я тут строить из себя незнамо кого?

Он с досадой цыкнул языком:

— А мой прошлый сосед по парте от тебя просто тащился, уши мне прожужжал. Я твоё имя наизусть выучил! Кто ж знал, что меня прямо в новеллу загребёт...

Нин Си вздохнул:

— Эх... Ты же тут главный герой. Должен был жить долго и счастливым браком с героиней — ну, с Лю Сусинь. С чего вдруг ты в меня-то влюбился? Я-то грешным делом думал, что мне светит только безответная любовь до конца дней.

Сун Ицзэ слушал его и всё больше убеждался: алкоголь окончательно туманит разум парня. Тот не просто нёс ерунду, а на ходу сочинял небылицы. Впрочем, наблюдать за тем, как Нин Си с совершенно серьёзной миной доказывает, что он «попал в книгу», было безумно мило — это напоминало Сун Ицзэ его собственного дядю, который по пьяни уверял всех, что он гриб.

Заметив на лице Сун Ицзэ снисходительную, тёплую улыбку, Нин Си возмутился:

— Ты мне не веришь, да?! А-а-а, ну почему ты не веришь?! Я же чистую правду говорю! Да не пьяный я! Мне что, надо было сразу признаться, будто я давным-давно в тебя влюбился, решил, что все Альфы тащатся от глупеньких милых Омег, и специально притворился дурачком и двоечником, чтобы тебя соблазнить?! Только тогда бы ты поверил?!

После этих слов оба замерли, уставившись друг на друга. А затем Нин Си с ужасом увидел, как в глазах Сун Ицзэ вспыхивает озарение: «Так вот оно что...»

Нин Си обомлел.

«Ты всё равно не веришь!»

Лицо Нин Си вспыхнуло ещё сильнее, отчего он выглядел невероятно трогательно. Сун Ицзэ не удержался и ласково погладил его по голове.

— Эй, да не трогай ты меня! Я с тобой откровенно, а ты... Ну почему?! Я правда переродился!

Нин Си надулся, превратившись в очаровательный пушистый комок гнева.

Сун Ицзэ просто сгреб его в охапку, мягко поглаживая по волосам и запечатлев легкий поцелуй на его горячем ухе. Его байка про «переселение в книгу» действительно смахивала на байку дяди про «шляпку гриба».

— Ну всё-всё, верю я тебе, верю, — улыбнулся Сун Ицзэ, целуя его в покрасневшую щеку.

Пьяных детей полагалось убаюкивать и соглашаться с ними. На самом деле версия про то, что Нин Си притворился глупым двоечником ради его соблазнения, казалась Сун Ицзэ куда более правдоподобной, чем сказки про попадание в новеллу.

И пока губы Сун Ицзэ шептали: «Верю, конечно верю», в голове у него проносилось совсем иное:

«Нин Си притворился двоечником и милашкой... ради меня. Как же сильно он меня любит».

Нин Си опустил руки.

«Чёрт с тобой. Сдаюсь».

Решив больше ничего не доказывать, хмельной Нин Си просто прилип к Сун Ицзэ, требуя поцелуев и объятий.

— И вообще... хорошо мы сегодня этого Лян Бэя умыли, — бормотал он в плечо парню. — Ты ведь и сам примерно понимаешь, что произошло, да? Шэн Цзышэн... он ведь ни в чём не виноват.

Но тут уж ничего не поделать. Как бы ни было жаль, пролитого молока не соберёшь.

— Говорю тебе, я капец как жалею, что тогда не остался с вами в сборной! Чёрт, это же такой шанс! Топ-50 на национальном этапе — и поступай куда хочешь без экзаменов! Рано я развёл тут бахвальство... Не надо было из себя героя корчить! Да плевать на Лян Бэя, надо было сразу соглашаться на предложение тренера У! Я же теперь вообще не уверен, что смогу сдать Гаокао и поступить в Цинхуа...

Нин Си прижался пылающей щекой к шее Сун Ицзэ, передавая своё тепло его прохладной коже:

— Но ради тебя... я готов выложиться на полную ещё раз. Я хочу учиться с тобой в одном университете.

Ветер становился всё холоднее.

Нин Си, оставивший куртку на скамейке, почувствовал, как по зябнувшим рукам пробежали мурашки. Он залез прямо под распахнутую куртку Сун Ицзэ, уткнувшись ему в грудь.

Сун Ицзэ, глядя на этого нахохлившегося котёнка, плотнее запахнул полы куртки, укрывая его от ночной прохлады, и тихо произнёс ему на ухо:

— Тебе не за что винить себя. На самом деле я больше всех хочу, чтобы ты стал сильнее и добился успеха.

Ночные объятия заставляют сердца биться чаще, чем самые страстные поцелуи.

Сун Ицзэ гладил парня по спине, баюкая его в своих руках:

— Давай выпьем молока? Или тёплой воды с мёдом? Как ты себя чувствуешь? Может, отдохнёшь?

— Я не пьян, правда не пьян, — Нин Си уткнулся носом в его плечо, отказываясь отпустить. — Я ведь в прошлый раз именно пьяным сюда попал... Не хочу пьянеть. Вдруг засну — и проснусь у себя дома?

Густо-фиолетовое небо завораживало своей глубиной. Далёкий свет фонарей мягким отблеском касался их фигур. Юность любит эту трепетную, неясную атмосферу.

Взгляд Нин Си затуманился влажной дымкой, тёмные ресницы тихо опустились. Он едва слышно прошептал:

— Как я могу вернуться... Все, кого я люблю, теперь здесь. Как я могу уйти?..

На следующее утро Нин Си проснулся в незнакомом номере отеля.

Сун Ицзэ уже ушёл в тренировочный лагерь, оставив на тумбочке записку: «Постараюсь вырваться вечером после занятий. Жди здесь и не убегай. Или возвращайся в школу, но обязательно напиши мне».

Нин Си взял телефон и увидел пропущенный от Ху Янцая.

Судя по часам, сейчас как раз была большая перемена. Нин Си набрал номер, и на том конце сразу ответили:

— Алло! Сяо Нин, ты наконец-то взял трубку!

Нин Си ещё не окончательно проснулся, поэтому его голос звучал сипло и с гнусавинкой:

— А-а... Что случилось?

— Говорят, ты пробрался в провинциальную сборную по физике? Директор вчера чуть инфаркт не получил!

— Чё?

От этих слов с Нин Си моментально слетел остаток сна.

Он сел на кровати. Неужели весть о его успехе в сборной так быстро докатилась до Первой старшей? Даже как-то неловко...

— Ну да, есть такое... А как вы пронюхали? Я вроде особо не афишировал свою скромную силу...

— Брат Нин, моё тебе почтение, но, может, тебе лучше пока залечь на дно? — перебил его Ху Янцай. — Директор прознал, что ты пробрался в лагерь, да ещё и копов умудрился вызвать. У старика аж холодный пот проступил! Он решил, что ты там учинил какой-то грандиозный погром!

Нин Си потерял дар речи.

— Брат Нин... ты же там никого не прирезал, а? Ты же вроде к богу Цзэ поехал, откуда там полиция?!

Нин Си потёр переносицу:

— Э-э... Тут долго объяснять. Короче, я лучше вернусь и сам всё директору растолкую.

— Ну... можно и так. Только сегодня после обеда у нас недельное тестирование, так что лучше возвращайся завтра вечером. Ах да, я слышал, директор после тестов собирается лично чесать в оргкомитет лагеря — заглаживать вину за твою выходку.

Нин Си замер, едва не выронив телефон.

— Так, отставить. Я сейчас буду, — Нин Си подскочил с кровати и принялся собирать вещи. — Ты давай разузнай там обстановку, если что — сразу пиши.

— Ладно, базара нет. Пока что по школе ходит такая версия: «Самый отстающий ученик на параллели от одиночества рванул в провинциальную сборную за своим парнем-гением. Притворился отличником, получил ноль баллов, был пойман с поличным и выдворен нарядом полиции».

Нин Си лишь тяжело вздохнул.

Оставив Сун Ицзэ короткое сообщение, он отправился обратно в школу.

Первая старшая школа Синьчан

Директор Чу Саньхао метался по своему кабинету, словно запертый в клетке зверь. Новость о выходе Нин Си окончательно лишила его покоя.

Го Чжэнь, сидевший напротив, с сочувствием наблюдал за нервничающим начальником:

— Ну что вы так кипятитесь, директор Чу? Это же только слухи. Из оргкомитета нам никто не звонил, так что наверняка ничего страшного не произошло.

— А если произошло?! — Чу Саньхао остановился, всплеснув руками. — Ну вот объясни мне, какого чёрта его понесло в сборную по физике?! А главное — при чём тут полиция?! Нет, надо ехать извиняться! Не хватало ещё, чтобы из-за него обо всей нашей школе думали Бог весть что!

— Директор, Нин Си, конечно, учится, мягко говоря, не блестяще, но парень он честный и воспитанный, — попытался вступить за своего подопечного Го Чжэнь. — Не стоит раньше времени драматизировать.

Однако табель с результатами последних экзаменов, где напротив фамилии Нин Си красовались позорные триста баллов за все предметы, до сих пор лежал на столах у учителей. Если школьник, набирающий по математике и физике едва ли по тридцать баллов, врывается в сборную лучших технарей провинции — у любого нормального директора волосы встанут дыбом.

В этот момент в дверь постучали.

— Войдите! — рявкнул пребывающий в смятении Чу Саньхао.

Дверь отворилась, и на пороге появился Нин Си:

— Здравствуйте, директор Чу. Извините за беспокойство.

Чу Саньхао обомлел. Забыв про прогулы и дисциплину, он мгновенно подскочил к парню:

— Нин Си?! Ты... ты правда пробрался в лагерь сборной?!

— Ну... да, — кивнул Нин Си. — Директор Чу, тут такое дело...

— Батюшки, всё-таки правда! — Лицо директора вытянулось. — Зачем ты туда полез?! Что ты там устроил?! И при чём тут, чёрт возьми, полиция?!

— Я... я вообще-то просто ездил проведать Сун Ицзэ. А полиция приехала совсем по другому

поводу, я тут ни при чём. Честное слово, не переживайте.

Чу Саньхао перевёл дух:

— Уф... Ну слава богу, слава богу... Мы ведь с твоим отцом в одном университете учились. Когда он переводил тебя сюда, то просил приглядывать за тобой. Хорошо, что обошлось без скандала.

Нин Си мысленно хмыкнул: надо же, оказывается, он тут блатнее некуда.

— Нин Си, ничего страшного, что пока у тебя плохие оценки. Время ещё есть. Если приложить усилия, то в какой-нибудь институт ты точно поступишь! Я тут смотрел твои прошлые результаты... Хм, математика — сорок баллов, физика — тридцать девять, химия — сорок три... Слушай, да тут же отличный потенциал для роста! Не зря учитель Го направил тебя в этот класс — прогресс обязательно будет, правда?

Слушая этот поток утешений, Нин Си не удержался:

— Вообще-то... в последнее время я очень сильно поднажал. Думаю, на этих тестах я смогу вас приятно удивить.

— Вот как? — На лице Чу Саньхао проскользнула едва заметная скептическая улыбка. — Стремление — это хорошо. Ладно, иди в класс. Нынче после обеда тестирование — напиши его собранно, без паники. Относись к каждой проверочной как к решающему Гаокао!

Нин Си кивнул.

Во второй половине дня Нин Си вовремя прибыл в аудиторию.

Он снова занимал самое последнее место в самом худшем экзаменационном кабинете. И слева от него, как по заказу, восседал тот самый Альфа с дредами.

— О, здорово, братуха! Опять вместе?

— Ага, привет. Какая встреча.

А чему удивляться? Они оба стабильно замыкали список успеваемости.

— М-да, удручает... — вздохнул Альфа. — Учёба — это какая-то жесть, вообще не соображаю. Ты, кстати, в своём роде легенда: как у тебя получается из раза в раз занимать одно и то же место в рейтинге? Но тебе бы тоже пора подтянуться, а то наш Бета уже в следующий кабинет

перебрался.

Нин Си кивнул. Он как раз раздумывал, куда делся их неразлучный дуэт.

— Чжунвэй мне шепнул, что в тех кабинетах атмосфера совершенно другая! — Альфа мечтательно откинулся на спинку стула. — Эх, завидую...

— Серьёзно? Там лучше? — подпёр щеку Нин Си.

— Ещё бы! Школа же распределяет нас по успеваемости. В первых кабинетах никто не орёт, не списывает, все сидят с умным видом, думается лучше. Чем выше поднимаешься, тем больше хочется учиться — затягивает!

Нин Си с понимающим видом кивнул:

— Понятно. Надо бы и мне сходить, посмотреть, каково это — сидеть впереди.

— Ха, от души задвинул! Удачи тебе, чувак! Надейся на лучшее! — искренне поддержал его Альфа, надеясь, что и сам когда-нибудь выберется из этой клоаки.

Тем временем директор Чу Саньхао всё пытался навести справки о том, что происходило в оргкомитете сборной. Однако оргкомитет молчал, словно набрав в рот воды.

Шло время, и недельное тестирование подошло к концу.

Директор рассудил так: если из оргкомитета никто не приехал с претензиями, значит, сынок его институтского товарища ничего совсем уж криминального не совершил.

И всё же успеваемость парня выбивала из колеи.

Мало того что такое положение дел грозило перечеркнуть будущее самого Нин Си, так ещё и портило общую статистику школы на городских пробниках.

Чу Саньхао потягивал кофе, параллельно открывая свежий файл с результатами недельного тестирования. Ему было любопытно глянуть, насколько же «приятно удивят» его успехи Нин Си.

Однако едва его взгляд упал на первую строчку итогового списка, директор поперхнулся кофе и зашёлся в диком кашле.

В это же самое время Альфа с дредами, едва не выламывая двери, ворвался в аудиторию.

Запыхавшись, он растолкал одноклассников и подскочил к своему приятелю-Бете:

— Мать твоя кошка!.. Чёрт! Чёрт! Чёрт! Я сейчас такое видел, меня чуть кондрашка нехватила!

— Ты чего орёшь? — нахмурился Бета. — Оценки пришли? Ты что, сдал нормально?

— Да при чём тут я?! — Альфа судорожно заглатывал воздух, его глаза вылезали из орбит от пережитого шока. — Омега тот... Ну, Нин Си, который за нами сидел!..

Он перевёл дыхание и во всю глотку заорал:

— Он на первом месте в параллели!

<http://bllate.org/book/20373/2372099>